Порочный миллиардер

Автор:
Меган Марч

Порочный миллиардер

Меган Марч

Passion. Обжигающая самбукаПорочный миллиардер #1

Меган Марч кардинально изменила свою жизнь, оставив должность юриста в международной корпорации. И все для того, чтобы создавать собственные истории о любви.

Ей это отлично удается! Миллионы читателей в 11 странах и статус автора бестселлеров The New York Times и The Wall Street Journal это подтверждают.

Меган Марч – настоящая кочевница. Она путешествует по миру с любимым мужчиной, который и вдохновил ее на творчество. Они оба считают себя романтиками и верят в «долго и счастливо». Собственно, романы Меган Марч именно об этом. А еще они полны горячих сцен, юмора и адреналина. Это, как говорится, «восемнадцать плюс плюс плюс».

Книги с «перчинкой» любят все, просто некоторые это скрывают. Симпатию к романам Меган Марч скрыть крайне сложно, потому что это чистый восторг.

Хотите дозу адреналина? Читайте Меган Марч. А заботы подождут!

«Обязательно для прочтения всем, кто любит острых на язык героев. Очень горячих и вообще классных!» – Alpha Book Club

«Динамичная история, отличные, живые характеры». – Obsessed with Myshelf

По контракту с музыкальной студией Холли вынуждена играть на публике роль невесты известного певца Джесси, который, по ее мнению, полнейший

разгильдяй. Холли мечтает обойти контракт, но помощь приходит с неожиданной стороны.

У Крейтона Караса много плюсов: обалденная внешность, острый ум, банковский счет. Но как следствие есть и минус – непомерное эго. А еще у него скандальная репутация.

Спасибо (или нет) случайной встрече в баре – теперь все думают, что Холли и Крейтон пара.

Увы, это сулит Холли лишь новые проблемы. От Джесси она почти отделалась, но Крейтон – фигура гораздо более опасная. Вдобавок Холли чувствует (вот черт!), что еще немного – и может в него влюбиться.

Меган Марч

Порочный миллиардер

Глава 1

Холли

Скандально известный певец Джесси Хьюз попал в переделку.

Как он собирается объяснить это своей подружке Холли Викс и своим поклонницам?

«Этот лживый сукин сын…»

Я с шумом выдыхаю, уставившись на заголовок и сопровождающую его компрометирующую фотографию на первой странице желтой газетенки,

лежащей на стойке у кассы супермаркета. Второй раз за месяц она публикует фотографию моего «бойфренда», страстно обнимающего другую женщину, только на этот раз ее тело скрывает огромное черное пятно.

Я сминаю газетенку во вспотевших руках и с трудом подавляю желание разорвать на мелкие кусочки все экземпляры, лежащие на стойке передо мной.

Он собирается разрушить мою карьеру еще до того, как она началась.

Один год, сказали мне. Один год этих мнимых «отношений», и я получу признание и займу свое место в мире музыки кантри. Можете осуждать меня за то, что я согласилась на это, но когда ваша звукозаписывающая компания вносит это условие в контракт, который поможет вам выбраться из захолустья, из которого вам до смерти хочется выбраться, вы не задаете вопросов. Вы просто ставите подпись там, где вам укажут.

Но реальность может дать вам пощечину, и это может случиться, когда вы стоите в очереди в продовольственном магазине. Что будет, когда они застукают Джесси с парнем? Он путается со всеми подряд, независимо от пола, но то, что он предпочитает мужчин женщинам, становится уже самым плохо скрываемым секретом в Нэшвилле.

Я Холли Викс, победительница телешоу «Мечты Кантри», и меня выбрали, чтобы я поспособствовала возрождению когда-то очень успешной, но быстро идущей под откос карьеры Джесси. И какая мечтательная девчонка не испытала бы восторга оттого, что ее имя будет связано с именем местной звезды?

Но вместо билета на Олимп, который я наивно мечтала получить, я становлюсь мишенью для насмешек быстрее, чем парни у меня на родине успевают потратить свою зарплату на моментальную лотерею. Но у меня остается еще один шанс воплотить в жизнь мои мечты о карьере, и, честно говоря, я сделала бы что угодно, чтобы спасти ее. Так что ситуацию с Джесси необходимо исправлять, прежде чем все выйдет из-под контроля.

Надвинув глубже на глаза бейсболку, я оглядываюсь по сторонам, не заметил ли кто меня, пока я рассматривала газету, стоя в очереди. Женщина позади меня прищелкивает языком, отнимая свои солнечные очки у ребенка, который пытается засунуть их в рот.

Черт.

Ее прищелкивание языком относится ко мне, а не к беззубому, голубоглазому и улыбающемуся младенцу. Но, как ни удивительно, на ее лице написано сочувствие, а не насмешка.

– Мужчины такие засранцы, правда? И чем они знаменитее, тем хуже.

Я слабо улыбаюсь, а она продолжает:

– Не верьте всему, что вы читаете в газетах, милая. Обычно на девяносто пять процентов это вранье. Возможно, это просто фотошоп. Если он обманывает вас, ему следует показаться психиатру.

Взглянув на нее, я вижу по ее лицу, что она узнала меня, несмотря на мою бейсболку, очки, полное отсутствие макияжа и довольно низкий рейтинг популярности. Я выдавливаю из себя улыбку, но она получается неловкой и фальшивой.

– Наверное, поэтому такие газеты и называются желтой прессой, верно? – отзываюсь я в безуспешной попытке перевести все в шутку.

Она кивает и указывает на полдюжины бутылок вина, лежащих в ее корзине.

– Это, возможно, покажется очень дерзким, но вам, похоже, не помешает выпить и поплакаться кому-нибудь в жилетку.

Поплакаться в жилетку совершенно незнакомой женщине, которую я встретила в продовольственном магазине? Это было бы безумием, не говоря уже о том, что это было бы просто опасно. Если бы я так поступила, моя история была бы растиражирована во всех завтрашних газетах. И студия убила бы меня – за нарушение контракта. И меня занесли бы в черный список в этой индустрии.

Я уже однажды попробовала устроить забастовку, когда фотография Джесси в первый раз появилась в газетах. Я ворвалась в офис «Хоумгроун Рекордз» и сказала им, что наше чертово соглашение того не стоит и что я не буду помогать карьере Джесси ценой собственной карьеры.

Их реакция? Если я не развернусь, не унесу свою задницу из их офиса и не нацеплю на лицо улыбку, они отменят мои гастроли, и я стану «бывшей» прежде, чем у меня появится шанс стать кем-нибудь в настоящем.

Я готова была бороться за свою карьеру семь дней в неделю, но когда возникла опасность поставить на ней крест, как ни стыдно признаться, я умолкла и смирилась с требованиями компании. Шанс воплотить в жизнь свои мечты дается лишь раз. И я не готова была упустить его, скольких бы унижений мне это ни стоило. Это вернуло мои мысли к создавшейся ситуации – к бульварной газетенке и женщине, стоявшей передо мной.

Между нами повисает неловкое молчание, пока я прокручиваю в голове все возможные ответы на ее предложение. В конце концов она улыбается, и выражение ее лица становится добрым и понимающим.

– Я знаю, о чем вы думаете. Вы не можете ни с кем поделиться вашей версией этой истории. Это слишком рискованно. – Она поднимает руку и показывает мне кольцо с гигантским камнем, украшающее ее палец. – Но я не просто посторонний человек. Я тоже бывала на первых страницах таблоидов, и я отлично знаю, каково это. После десяти лет брака с самым большим перевоспитавшимся засранцем мне это все не в новость. К тому же я никогда не предам свою сестру по несчастью.

Я перевожу взгляд с гигантского бриллианта на ее лицо, лишенное макияжа. И тут до меня доходит.

– Вы Тана Вайнз.

Тана Вайнз была признана певицей года лет десять назад, а ее муж по меньшей мере раз пять за это время признавался лучшим исполнителем года. Они были легендами. По-настоящему влиятельной парой.

Она протягивает руку, и я машинально пожимаю ее.

– Да, это я, – говорит она. – Рада познакомиться с вами, Холли Викс.

После двух выпитых бутылок вина мы с Таной лежим в шезлонгах на краю ее крытого бассейна. За запертыми дверями, в присутствии женщины, чьи песни я слушала по радио, когда училась в школе, у меня, наконец, появляется шанс выложить все то дерьмо, которое заполняло мои мысли в течение долгих месяцев.

– Еще шесть месяцев? Это чертовски долгий срок, чтобы мириться со всем дерьмом Джесси. Не говоря уже о том, что тебе нельзя все это время ни с кем спать. Бог мой, малышка. Разве ты не страдаешь по какому-нибудь члену? – спрашивает Тана.

Я смущенно хихикаю.

– М-мм, я была слишком занята тем, чтобы освоиться в профессии, полагаю.

– Вот дерьмо. Я бы до смерти тосковала по члену.

Я качаю головой.

– Я не хочу делать ничего такого, что испортило бы мои отношения со студией. Я подозреваю, что если бы оказалась на первой полосе таблоида, как Джесси, согласно двойным стандартам меня выкинули бы за порог так быстро, что я бы ойкнуть не успела.

Тана перекатывается набок и смотрит на меня.

– Вероятно, ты права, но это несправедливо. Они прикрывают его задницу лишь потому, что у него целая полка наград пятилетней давности и они вложили в него большие деньги. Ты идеально подходишь, чтобы спасти его имидж. Но ты права – если ты оступишься, тебя можно будет заменить кем-то еще.

Я и до этого считала Тану местным божеством, но в настоящий момент я, должна сказать, просто околдована ею. Она говорит все как есть, и это очень приятно, учитывая, что в этом мире все говорят одно, а думают совсем другое.

– А кого нельзя заменить?

В этот момент появляется Мик Вайнз, живая легенда, и его глубокий голос эхом разносится по помещению. Он поднимает пустую бутылку со столика, стоящего между нашими шезлонгами.

– Черт, Тана. Я уже полчаса разыскиваю тебя.

– Джемма знает, где я.

Джемма, как я уже знала, была няней у Таны и Мика, и она постоянно жила с ними.

Тана садится в шезлонге, Мик ставит бутылку на столик и нагибается, чтобы поцеловать ее в губы.

– Вот так. Мне этого не хватало, моя сладкая.

Я отворачиваюсь, когда Тана обнимает Мика за шею и, притянув его к себе, прижимается губами к его губам, уже далеко не так невинно. Ее, похоже, не беспокоит, что я присутствую при этом интимном моменте. И этот момент заставляет меня еще сильнее захотеть выбраться из той западни, в которую я угодила.

Не то чтобы мне хочется того же, что есть у них, потому что мне пока всего этого не нужно. Я не собираюсь в ближайшие пять или даже десять лет вступать в долгосрочные отношения. Я слишком молода, и я сосредоточена на своей карьере, как это и должно быть, когда стоишь на пороге воплощения мечты, которая жила в твоем сердце еще с десятилетнего возраста.

Но даже на этом пороге я все еще только кукла в руках студии, дергающей за ниточки. И по прошествии шести месяцев я уже устаю оттого, что меня дергают то в одну сторону, то в другую, в зависимости от их интересов. Чего бы я достигла, перерезав эти ниточки и получив свободу? Я пожертвовала бы всем, чего я успела добиться, и такой выбор меня не устраивает.

Мик выпрямляется и только тут замечает меня.

– Кто наша гостья, детка?

То, что он не узнает меня, гораздо менее удивительно, чем то, что Тана узнала меня. Честно говоря, я все еще никто в этой индустрии. Я из кожи вон лезу, чтобы сделать себе имя, и у меня есть поклонники, но для личности такого масштаба, как Мик Вайнз, я всегда буду никем.

Я улыбаюсь и протягиваю ему руку.

– Холли Викс.

Он пожимает мою руку, слегка прищурившись.

– Я слышал ваше имя. Почему я слышал ваше имя?

Я потрясена одним лишь намеком на то, что он знает меня. У меня в животе начинают порхать бабочки, и тут вмешивается Тана, чтобы спасти меня от объяснений, готовых сорваться с моих губ.

– Я подцепила Холли в очереди, когда мы обсуждали, каково это – попасть на первую страницу бульварной газетенки.

Мик еще сильнее прищуривается, а потом в его глазах зарождается понимание.

– Викс. Ты та самая горячая штучка, которая сейчас всюду появляется с Джесси Хьюзом.

Я съеживаюсь от этого описания, потому что хочу совсем другой известности.

Но вот что происходит, когда заключаешь сделку с дьяволом.

Тана хлопает его рукой по бедру.

– И она выступает с Бун Трэшер, потому что после Керри и Миранды она самый талантливый новичок, появившийся на сцене.

Ее слова меня поражают, и бабочки в моем животе преисполняются гордости.

Мик начинает покачиваться на каблуках черных кожаных ботинок.

– Я еще не слышал, как она поет, но я точно видел ее фотографию.

Я морщусь, словно меня облили холодной водой.

– В этом-то вся и проблема. Студия загнала ее в угол, и они заставили ее подписать контракт с учетом этой ситуации с Джесси. Она не может разорвать его, – поясняет Тана.

Мик изучающе смотрит на меня.

– С кем у тебя контракт, малышка?

– «Хоумгроун». Они подписали со мной контракт после того, как я победила в конкурсе «Мечты Кантри».

– А-аа. – Мик пару раз кивает. – Теперь я знаю, откуда мне известно твое имя. И тебя, вероятно, заставили заключить сделку с дьяволом, пообещав контракт на миллион долларов.

Это даже не вопрос. Мик знает правила этой игры.

– У меня был выбор: подписать контракт на их условиях или вернуться в Кентукки и продолжить работать в кегельбане, забыв о карьере. По крайней мере, я смогла перебраться в Нэшвилл.

Мик поднимает руку.

– Тебе незачем оправдываться. Я не сужу тебя. Мы все выбираем тот путь, который помогает нам достичь цели. Но это означает, что приходится мириться с последствиями. Как долго тебе еще терпеть этого дерьмового Джесси? Полагаю, тебе приходится все глотать и улыбаться, держа его под руку, чтобы спасти его имидж и получить хорошие статьи. Кроме того, мы все знаем, что уже несколько лет его репутация катится под гору.

Черт. Мик досконально знает правила этой игры. Полагаю, нельзя так долго жить в Нэшвилле и не изучить все подводные течения.

– Шесть месяцев, – отвечает за меня Тана. – И все совсем не так, как было с нами, когда наши менеджеры решили сделать из нас пару. Джесси, похоже, ни капли не волнует, что он может навредить карьере Холли.

Повернувшись, я с изумлением смотрю на Тану.

– Я не знала, что вы… – Я перевожу взгляд на Мика. – Правда? Ваши отношения начались как рекламный трюк?

Тана смеется.

– Конечно. Почему бы еще я согласилась объединиться с этим повесой? Мне нужно было повысить мою популярность у молодежи, а Мика начали полоскать в прессе за то, что он спит со всеми, у кого есть сиськи.

– Господи, детка. Это давняя история. И у нас есть основания не распространяться об этом.

– Я просто хочу сказать, что иногда это срабатывает, – парирует Тана.

Мик качает головой.

– Вернемся к нашему разговору. – Уставившись на меня, он продолжает: – Если Джесси будет и дальше вести себя в том же духе, он похоронит тебя за шесть месяцев. Сейчас все симпатии на твоей стороне, но если ты будешь продолжать проглатывать все это, ты в конце концов станешь выглядеть последней дурой.

Тана снова хлопает его по бедру.

– Ты не слишком помогаешь.

Ее муж наклоняется и хватает ее за руку.

– Замолчи, женщина, или сегодня ночью я отшлепаю тебя по заднице еще сильнее.

Тана заливается румянцем, а я решаю пропустить мимо ушей это замечание.

Мик отпускает ее руку и берет журнал, лежавший между бутылками.

– Это та газетенка с лживым сукиным сыном?

Покачав головой, Тана отнимает у него журнал.

– Нет, это газетенка с тем горячим миллиардером, за которого я выйду замуж, если ты бросишь меня ради какой-нибудь старлетки.

Я бросаю косой взгляд на журнал. Это «Форбс», и на обложке красуется до неприличия красивый темноволосый мужчина.

Заголовок гласит: «Борьба за внимание Крейтона Караса».

– О чем ты говоришь, женщина? Ты похоронишь меня на заднем дворе, если я всего лишь взгляну на другую, – ворчит Мик.

Мелодичный смех Таны эхом отражается от стен.

– Совершенно верно, и не вздумай забыть об этом.

Я выхватываю журнал у него из рук, чтобы получше рассмотреть фотографию.

– Эй, малышка. Успокойся.

Я отмахиваюсь от него, потому что вино притупило мои инстинкты, иначе я продолжала бы кланяться и заискивающе улыбаться в его монаршем присутствии.

– Ш-шш. Мне нужно рассмотреть его.

Не знаю, почему мне понадобилась тишина, но, очевидно, выпитая бутылка вина требовала этого.

Мужчина великолепен, но выглядит самоуверенным и высокомерным. Я открываю журнал и начинаю перелистывать страницы, пока не нахожу еще одну его фотографию.

МИСТЕР КАРАС, МИЛЛИАРДЕР

Я побеждаю, потому что не признаю поражений.

Крейтон Карас

Я знаю, что я по-настоящему пьяна, потому что могу думать только об одном – как бы я хотела быть побежденной им. Откуда, черт возьми, такие мысли? Словно я знаю, что делать с таким мужчиной. Он настолько явно мне не по зубам, что это даже не смешно.

Я смотрю на Мика и Тану, которые снова начинают обниматься и целоваться.

И… это подходящий момент, чтобы распрощаться.

Я захлопываю журнал и с трудом поднимаюсь на ноги.

– Пожалуй, мне пора.

Тана отстраняется от Мика и смотрит на меня, подняв бровь.

– Дорогая, я не позволю тебе сесть за руль. Я сейчас приготовлю комнату для гостей. Это меньшее, что я могу сделать после того, как напоила тебя.

– Необязательно. Мне нужно ехать домой. Мне нужно… полить цветок. Или что-то в этом роде.

Я щурюсь, не будучи уверенной, жив ли еще мой цветок или засох. Я даже не могу вспомнить, когда в последний раз поливала его. Очевидно, я слишком глубоко задумываюсь о растениях и не могу сосредоточиться на том, чтобы удерживать равновесие, так что чуть не падаю.

Мик протягивает руку и подхватывает меня.

– Ну же, дорогая. Мы оставляем тебя на ночь у нас. И не хочу слышать никаких возражений.

Он разворачивает меня и подталкивает к двери, которая ведет внутрь дома.

– Кроме того, похоже, кому-то следует взять тебя под крыло, чтобы тебя не разжевали и не выплюнули в этой сучьей индустрии. Моя жена обычно не приводит домой беспризорных детей, так что, очевидно, она увидела в тебе нечто такое, что нуждается в защите. И мы уж точно позаботимся о том, чтобы эта защита у тебя была.

У меня щиплет в глазах, и я начинаю быстро моргать, чтобы сдержать слезы. Я живу в этом городе шесть месяцев, без друзей, и вдруг в один прекрасный день меня, как видно, решают удочерить два человека, с которыми я даже не мечтала познакомиться.

– Спокойной ночи, Холли. Увидимся утром, дорогая, – кричит мне вслед Тана.

Если не считать тех волшебных мгновений, когда я стою на сцене, впервые за многие месяцы я искренне улыбаюсь. Я чувствую себя так, словно обрела семью.

Но это длится недолго.

Глава 2

Холли

– Мы посадим твою задницу в автобус, идущий в твое захолустье, если ты не будешь выполнять условия контракта, Викс. Тот кегельбан, где ты работала? Они даже не позволят тебе вернуться туда, когда я закончу с тобой, – орет на меня в конференц-зале компании «Хоумгроун Рекордз» Морти, исполнительный директор студии.

Прошло два месяца с того вечера, когда я повстречалась с Таной, и Джесси умудрился еще трижды попасть в газеты. Я не могу больше терпеть это. Я уже официально стала посмешищем Нэшвилла, и я больше не могу выносить сочувствующие взгляды коллег, с которыми выступаю на концертах.

Когда автобус въехал в город этим утром, я сразу же отправилась к Тане. Мы поддерживали связь, и всякий раз, когда я в перерывах между концертами возвращалась в город, она находила время встретиться со мной. Это была моя первая настоящая подруга с тех пор, как Мэри Джейн Дево вышла замуж за своего моряка и переехала на Гавайи почти два года назад.

Я не из тех девушек, которые легко заводят друзей. По большей части потому, что я много работаю и у меня никогда не было лишних денег на то, чтобы пройтись по магазинам или сделать педикюр. Но теперь, когда я живу в новом городе и вращаюсь в той среде, где я не знаю, кому могу доверять, Тана стала для меня спасательным кругом.

Она посоветовала мне послать их на три буквы и положиться на удачу. Так что этим утром я набираюсь мужества и отправляюсь в офис, чтобы предложить им похоронить все это дерьмо с Джесси, потому что оно того не стоит.

Но я не рассчитывала, что Джесси тоже окажется там.

– На что ты, черт возьми, жалуешься? – спрашивает он, откинувшись на мягкое кожаное кресло в конференц-зале. – Ты все время фигурируешь в прессе. Может быть, ты еще слишком зеленая, чтобы осознавать, что нет такой вещи, как плохая реклама.

Мне хочется пощечиной стереть с его лица самодовольное выражение. Он специально подначивает меня, чтобы посмотреть, решусь ли я дальше давить на Морти, и не закончу ли я тем, что меня посадят на пресловутый автобус до родного захолустья.

– Ну что ж, в данном случае я считаю, что ты ошибаешься, – говорю я, вздернув подбородок. – Растоптать мою карьеру кажется мне не слишком хорошим способом вести дела.

Джесси смеется.

– Ты только начинаешь, дорогуша. Это лучшее, что когда-либо случалось с тобой. Полагаю, я могу постараться быть более осмотрительным, – говорит он, бросив взгляд на Морти.

Морти кивает.

– Хорошо, на этом и порешим.

Ну, нет. Мы на этом не порешим.

– Я так не думаю, – объявляю я и указываю на Джесси. – Ему нужна нянька, чтобы помогать ему держать член в штанах, а не мнимая подружка. Если вы хотите спасти его карьеру, почему не сосредоточиться на записи новых хитов, а не на его интимной жизни?

– Мне нравится, когда ты говоришь обо мне так, словно меня здесь нет, детка, – заявляет Джесси. – Может быть, я напишу для тебя любовную песню. Как ты к этому отнесешься?

Он произносит это покровительственным тоном. Я никогда толком не знала, что означает это слово, но я уверена, что в данном случае оно уместно.

– Не называй меня… – начинаю я.

– Девочка, если ты не… – прерывает меня Морти, скорее всего, собравшись снова угрожать мне, но Джим, его партнер, вскакивает на ноги, опершись руками о твердую деревянную поверхность стола.

Мы оба замолкаем и смотрим на него.

– Знаете, мне кажется, что мы неправильно расцениваем ситуацию, – говорит Джим, кивая с таким видом, будто у него созрел план.

Я испытываю облегчение в надежде, что Джим, возможно, здраво смотрит на вещи. Но моя надежда тут же испаряется, когда он продолжает:

– Я думаю, что нам нужно не разрывать ваши отношения, а укрепить их.

Что еще? Укрепить?

Я смотрю на Джесси, но он, кажется, тоже озадачен.

– Продолжай, – говорит он. – Я горю желанием услышать твои предложения.

Я абсолютно уверена, что могла бы никогда в жизни не слышать его предложений и быть при этом совершенно счастливой. Вероятно, это самый подходящий момент для того, чтобы гордо выйти из комнаты и отправиться на поиски машины времени, потому что у меня возникает такое чувство, будто события будут развиваться от плохого к худшему.

Джим смотрит на Джесси, потом на меня, а потом на Морти. Его глаза горят от возбуждения.

– Джесси и Холли обручатся. Это будет идеально. Мы сможем устроить публичную церемонию.

Он замолкает на мгновение и потирает руки, как ребенок в рождественское утро.

– Канун Нового года. Вот так. У Бун и Холли будет перерыв между концертами, а что касается Джесси, он будет участвовать в новогоднем шоу Дика Кларка. Он сможет сделать предложение в полночь, и это будет блестящим рекламным ходом.

Я застываю от ужаса, и Джим смотрит на меня.

– Газетчики забудут обо всем этом дерьме в прессе, потому что они обожают трогательные романы знаменитостей. Джесси может заявить, что он пытался разобраться в себе, но теперь уже расставил все приоритеты по своим местам и готов двигаться дальше.

Нет, невозможно, чтобы это происходило на самом деле.

– Что?

Мой голос, который при необходимости мог брать высокие ноты, разрывающие уши, отражается от стен конференц-зала, и на мгновение мне хочется, чтобы я смогла своим криком разбить стеклянную дверь.

Но я не смогла.

Я смотрю на Джесси, который руками зажимает уши.

– Эй, малышка. Полегче с моими ушами.

– Ты не можешь согласиться на это! – ору я. – Это безумие!

Морти стучит по столу.

– Черт возьми, Викс. Уймись. Тебя не заставляют выходить замуж за этого парня. Просто притворись, что вы помолвлены. На четыре месяца. Может быть, дольше, в зависимости от того, как будет складываться ситуация.

Я закусываю губу, пока не чувствую ржавый вкус крови во рту. Это единственный способ сдержаться и не орать на них, не посылать их к черту. Может быть даже, знаете ли, не убить их. Я родом из трущоб – я знаю, как прятать тела.

Одна фраза крутится у меня в голове: Может быть, дольше?

Четыре месяца. И на этом срок действия моего контракта заканчивался. Четыре. Месяца. И после этого «Хоумгроун» больше не будет владеть моей душой. Конечно, они могут постараться навредить мне, но у них больше не будет

законных оснований предъявлять мне претензии.

Я не могу так поступить. И Джесси никогда на это не согласится, верно?

Я обхожу стол, подхожу к Джесси и сажусь рядом с ним.

– Ты не можешь считать это хорошей идеей. Ты не можешь согласиться на это.

Но Джесси лишь улыбается своей знаменитой улыбкой славного парня и кладет ладонь на мою руку.

– Твои фото в газетах когда-нибудь закрывали черной полосой? Потому что я думаю, что это может сработать. Знаменитая чета звезд кантри-мьюзик. Черт, может быть, мы сыграем настоящую свадьбу и все такое. – Он окидывает меня изучающим взглядом. – Ты выглядишь намного сексуальнее, чем когда я в прошлый раз видел тебя, так почему бы и нет, черт возьми?

О. Мой. Бог.

Я отдергиваю свою руку.

– Никогда. Ни за что, черт побери.

Он приподнимает бровь.

– Никогда не говори «никогда».

Я поворачиваюсь к Морти и Джиму.

– В моем контакте не говорится, что я должна соглашаться на что-либо подобное. Обручиться – очень серьезный шаг, и вы не можете заставить меня сделать это.

Возможно, я похожа на капризного ребенка, но я совершенно серьезна.

Джим, который нацепил на себя выражение отеческой заботы в противовес агрессивному поведению Морти, улыбается мне.

– Сядь, Холли. Я думаю, мы сможем прийти к соглашению. Ты хочешь сделать все возможное для того, чтобы построить успешную карьеру, разве не так?

Я делаю глубокий вдох, подавляя желание вновь завопить.

– Да. Я хочу только этого. Все возможное для моей карьеры. Но то, что вы предлагаете, как раз невозможно.

– Мы крутимся в этом бизнесе намного дольше тебя, дорогая. Ты должна доверять нам. Мы не навредим тебе.

Покровительственный тон. Снова.

У Морти такой вид, словно все уже решено.

– Это чертовски здорово. Джесси, после твоей последней песни ты пригласишь Холли на сцену и опустишься на одно колено перед ней. Зрители будут в восторге от этого дерьма.

– Вы не можете сделать этого!

Все трое мужчин смотрят на меня, и от их улыбок у меня по спине пробегает холодок.

Черт! Вот дерьмо!

– Соглашайся, Викс, – говорит Морти с самодовольной улыбкой. – Либо это, либо ты садишься в первый же автобус, едущий в твое захолустье. Может быть, когда все закончится, мы даже не станем забирать у тебя обручальное кольцо с бриллиантом.

Что бы я ни сказала сейчас, это ничего не изменит. Так что я подавляю желание завопить и говорю так спокойно, как только могу:

– Обсуждение не закончено, но мне пора репетировать.

У меня кружится голова и сводит желудок, но я надвигаю глубже на глаза свою бейсболку и, не дожидаясь ответной реакции, направляюсь к двери.

– Дайте снова начнем сначала, – говорю я ребятам из группы.

Я хочу извиниться перед ними за то, что сегодня опоздала на репетицию, но я сдерживаюсь, потому что тогда мне пришлось бы рассказать им, почему я опоздала, а я не могу. Однако невозможно сосредоточиться на музыке, когда чувствуешь, что твоя мечта ускользает от тебя. Что бы я не сделала, чтобы воплотить ее в жизнь? Смогу ли я согласиться на этот фарс? У всех есть свои пределы, но я не уверена, где находятся мои.

Но на этот вопрос я не готова отвечать прямо сейчас, так что мне лучше, черт возьми, сосредоточиться. У нас новая песня, которую мы хотим добавить к уже обкатанному репертуару, и если мы не отрепетируем ее, на следующем концерте мы будем выглядеть идиотами.

Я изучающе смотрю на парней и снова благодарю Бога за то, что «Хоумгроун» хоть в этом меня не подвел. Моя группа – потрясающая команда, и мне повезло работать с ними. Мне могли бы подсунуть опустившихся «бывших», но вместо этого я получила серьезных музыкантов с неоспоримым талантом. Поразительно, правда?

Злость, которую я испытываю по отношению к «Хоумгроун», просто нелепа. Но мне трудно смириться с тем, что, с одной стороны, я должна благодарить их за данный мне шанс воплотить в жизнь свою мечту, а с другой, я должна пойти навстречу их требованиям или пожертвовать своей карьерой. Разве это справедливо? Похоже, мне повезло, что я выросла без иллюзии, что в жизни все должно быть справедливо. Кроме того, мне и так улыбнулась удача. Если бы я не выиграла «Мечты Кантри», я все еще продолжала бы разносить соленья в боулинге.

«А бабушка была бы еще жива», – с чувством вины думаю я.

– Холли, что, черт возьми, происходит? Ты планируешь петь в ближайшем будущем, дорогая?

Я вскидываю голову, прогоняя эту мысль, а ребята умолкают… я пропустила вступление.

– Простите. Я просто задумалась.

– Тебе нужна передышка, дорогая? – спрашивает Лонни, мой ударник, крутя в руках палочку.

– Нет, я в порядке. Просто мне нужно сосредоточиться.

Ребята переглядываются, и внезапно мне приходит в голову мысль, что я чего-то не понимаю.

– Что?

Дариус, мой бас-гитарист, наконец, говорит:

– Ты скучаешь по дому, потому что не сможешь быть там в канун Рождества? Но мы решили, что сразу после выступления разлетимся по домам. Тебе стоит сделать то же самое.

Он говорит о выступлении, которое должно состояться через три дня. Я, наконец, попаду на сцену «Мэдисон-сквер-гарден» в Нью-Йорке. Это совсем другая вселенная. Я, бедная девчушка из Кентукки, открываю концерт звезд кантри, который для меня всего лишь ненамного менее значителен, чем сама «Опри»[1 - Grand Ole Opry – одна из старейших американских радиопередач в формате концерта в прямом эфире с участием звезд кантри, существующая с 1925 года.]. Я лишь надеюсь, что у меня не разовьется страх сцены.

Я задумываюсь над вопросом Дариуса. Мне и вправду грустно, но вовсе не потому, что я хочу вернуться домой, – у меня ведь больше нет дома. Вся моя семья теперь покоится в шести футах под землей. Мое первое Рождество без бабушки будет тяжелым. Все мои первые достижения без нее были горькими, так почему бы и Рождеству не быть таким же горьким?

Может быть, я заслужила эту боль. Может быть, я ее просто заслужила.

Но если я откажусь от этой возможности, это не вернет бабушку и не заглушит вину, которую я испытываю. Ничто не заглушит ее.

– Ты готова, Холли?

Я, насколько могу, стараюсь выкинуть из головы все – Джесси, руководство студии, чувство вины. Я распрямляю плечи, выпрямляюсь во весь рост.

– Я готова. Давайте начнем сначала.

Остаток репетиции проходит хорошо, потому что я заставляю себя сосредоточиться на текущем моменте и на музыке. Когда я пою, даже на репетиции, этого достаточно, чтобы вывести меня из депрессии, в которую я постепенно скатываюсь.

После репетиции, когда ребята начинают собирать инструменты, я смотрю на часы. Я должна успеть к Мику и Тане на ужин, а потом поехать домой, чтобы упаковать вещи. Перед длительной передышкой мне предстоят еще два концерта. Сначала в Филадельфии, а потом в Нью-Йорке.

Я вешаю сумку на плечо и чувствую, как вибрирует мой мобильный телефон. Достав его, я вижу сообщение от Таны.

Тана: Ты же сказала, что не пойдешь на это!!!

Я быстро отвечаю.

Я:??? О чем ты говоришь?

Ответ от Таны приходит, лишь когда я сажусь в свою машину и включаю зажигание.

Тана: Джесси. Помолвка.

Я позвонила Тане сразу же после того, как вышла из студии и поехала на репетицию. Количество матерных слов, которые она произнесла за время нашего разговора, было внушительным. Она почти превзошла бабушкину соседку, миссис Финчли, побившую все рекорды в этой номинации, когда у нее забрали новенький сверкающий кабриолет, потому что ее выигрыш в бинго не покрыл ее долгов.

Но прежде, чем я успеваю написать ответ, Тана звонит мне.

– Нет, – говорю я.

– Но, дорогая, ты видела страничку Переса Хилтона[2 - Американский блогер. Его сайт, Perezhilton.com, известен публикациями новостей, касающихся личной жизни музыкантов, актеров и знаменитостей.]? Потому что там в самом верху фотография Джесси, и он покупает чертово обручальное кольцо. И улыбается во весь рот.

Что? Никогда. Никогда!

– Это невозможно. Они только…

– Повесь трубку и зайди в «Гугл», Холли. Все уже там. Это случилось. Они собираются загнать тебя в угол и не теряют времени. Тебе нужен план.

– План?

Я начинаю лихорадочно соображать, пытаясь хоть что-то придумать, но все напрасно. Я лишь вижу себя на сцене, рядом с Джесси, задающим мне вопрос, на который я отвечаю: «Пойди удавись».

Моя карьера на этом закончится. Мои мечты будут похоронены.

Тана права – мне нужен план. И поездка на автобусе домой в этот план не входит. Может быть, у меня много недостатков, но я никогда не опускала руки.

Глава 3

Крейтон

Канун Рождества, Нью-Йорк

Мне скучно.

Это очень опасное состояние для такого человека, как я. Когда мне скучно, всегда происходит какое-нибудь дерьмо. Когда мне нужно что-нибудь, способное вызвать у меня выброс адреналина, я способен на враждебное поглощение[3 - Приобретение контрольного пакета акций компании ее конкурентами без предварительного согласования с советом ее директоров и акционерами.]. Или, например, выхожу из дома, подцепляю трех женщин и представляю им друг друга в самых грязных выражениях.

Можете осуждать меня, сколько вам влезет, мне наплевать, что вы думаете обо мне. Потому что я владею половиной этого города, а другая половина не стоит того, чтобы ею владеть.

Можете посмотреть на ширинку моих брюк от «Гуччи». Нет даже намека на эрекцию при мысли о сексе вчетвером. Секс втроем уже давно пройденный этап, но очень плачевно, что даже секс вчетвером не интересует мой член.

Потому что мне чертовски скучно.

Я отодвигаю кресло, встаю и подхожу к окну моего небоскреба. Видите, что там внизу? Пятая авеню и мой город. Мы располагаемся к югу от парка, и значит,

повсюду горят праздничные огни.

Я ненавижу Рождество. Еще один праздник, который напоминает мне о том, что я предпочел бы забыть. Но хватит этого дерьма. Вытащив из кармана телефон, я провожу большим пальцем по экрану. У меня сотни номеров, по которым я мог бы позвонить, и менее чем через пятнадцать минут у меня появилась бы цыпочка. Даже в канун Рождества. Я снова прислушиваюсь в надежде уловить хоть какое-то движение в штанах, но тщетно.

Должно быть, мой член сломался. Нет других объяснений, кроме того, что я устал от любых вариантов. Знаю, что повторяюсь, но когда мне скучно, случается всякое дерьмо. Мое прошлое пестрит ошибками, которые произошли в подобных ситуациях.

Но знаете что? Я в настроении сделать еще одну ошибку. Пора надеть пиджак и выяснить, в какую неприятность я вляпаюсь сегодня ночью.

Глава 4

Холли

Канун Рождества, Нью-Йорк

Я подарю себе мужчину на Рождество. Да, мужчину.

Я могу сделать это. Правда могу. Наверное. Возможно.

Стоя в дверях бара шикарного отеля, я смотрю по сторонам в поисках возможного кандидата. Виски, выпитое на вечеринке после концерта, теплом разливается по телу, дарит ощущение счастья. Мне нужно было как следует выпить, чтобы заставить себя решиться на этот план. Думаю, могу сказать, что это мое первое родео.

И, конечно же, я выбрала что-то совсем не из своей лиги. Но кто знал, что бар в отеле будет таким шикарным? «Роуз Клаб» в «Плазе». Пятая авеню, Нью-Йорк.

Я удерживаюсь от желания посмотреть на ковер, чтобы выяснить, не испачкала ли я его грязью своих ковбойских сапог. И мне очень интересно, не первая ли я девчонка из Кентукки в говнодавах, которая шагнула в это заведение. Хотя эти сапоги – часть моего сценического костюма, и кожаная куртка с бахромой, расшитая хрустальными бусинками, намного приличнее, чем старая потертая куртка, которую я оставила в автобусе.

Голубовато-пурпурный свет, исходя от причудливых светильников, наводит на мысль, что кто-то просто обмакнул этот зал в виноградный сок, и это придает бару какое-то потустороннее настроение. Один взгляд на собравшихся, и я понимаю, что эти люди живут совсем не на той же планете, что и я.

Но я отбрасываю эту мысль и подхожу к сверкающей деревянной стойке. Если я собираюсь сделать это, мне нужно еще выпить, чтобы набраться храбрости.

Я забираюсь на бархатный барный стул, отлично осознавая, что моя крохотная джинсовая юбочка задралась, обнажив бедра. Мужчина в костюме, сидящий через один стул от меня, разглядывает мои ноги, поигрывая стаканом в руке. Я даже не могу определить, какого цвета жидкость в его стакане, потому что все искажает этот неестественный свет.

Но меня этот свет радует. В нем есть что-то мягкое и сексуальное, и это придает мне мужества следовать моему плану.

Список подарков, которые я хотела бы получить на Рождество, очень короткий, но, безусловно, очень определенный. Один мужчина, достаточно нахальный, с горячим телом, который сможет помочь мне забыть о моих печалях в эту ночь.

Я беру меню со стойки, раскрываю. И оно раскрывается как раз на нужной странице. «Американский виски». Самый лучший из всех. Но когда я вижу цены, у меня отвисает челюсть.

– Вот дерьмо! Шестнадцать долларов за «Джек Дэниэлз»? Какого черта? Джек что, встал из могилы и сам приготовил его? Черт…

Мой голос разносится по всему залу, и все присутствующие, включая бармена в шикарном костюме, поворачиваются и смотрят на меня.

Мужчина, сидящий через один стул от меня, очевидно, воспринимает это как приглашение и пересаживается на стул рядом со мной. Его улыбка такая же вкрадчивая, как и его слова.

– Я куплю выпивку этой хорошенькой девочке. – Он кивает бармену. – Запиши на мой счет все, что она захочет.

Ну что ж, это заняло немного времени.

Я быстро опускаю взгляд, и брюшко, на котором лопаются пуговицы его рубашки, быстро дисквалифицирует его, потому что это совсем не то горячее тело, какое мне хотелось бы. Но, может быть, это как раз та ситуация, когда нищие не могут выбирать?

Я никогда не была завсегдатаем баров, но в тех немногих случаях, когда мы с ребятами из группы заглядывали туда после концертов, я всегда привлекала внимание тех типов, которые слишком много времени проводят в деловых поездках, никогда не посещая тренажерные залы в отелях.

Я сдаюсь. Может быть, это лучшее, на что я могу рассчитывать? Одно ясно – даже невзирая на виски, – это моя самая тупая затея.

– Спасибо, но, кажется, я сегодня немного потеряна. – Я закрываю меню. – Наверное, мне лучше вернуться в номер.

Студия поселила меня в «Плазе» в знак признательности за то, что я согласилась выступать в канун Рождества. В противном случае я никогда не вбухала бы столько денег в отель, даже если бы они у меня были, а их у меня не было.

Он кладет ладонь мне на руку.

– Как вы можете чувствовать себя потерянной, когда я только что нашел вас?

Дешевое вступление, и я даже не уверена, что это можно рассматривать как вступление. Но в любом случае мне будет гораздо лучше устроить печальную вечеринку на одну персону с десертом, доставленным мне в номер.

Я начинаю сползать со стула, но он сильнее сжимает мою руку, а вторая его рука ложится на мое бедро и почти мгновенно начинает забираться мне под юбку.

– Вы не можете вот так уйти. Мы еще даже не познакомились. Просто позвольте мне купить вам выпивку. Обещаю, вы об этом не пожалеете, дорогуша.

По моему телу пробегают мурашки от его прикосновения, и я пытаюсь отодвинуться, но он не дает. Очевидно, он принимает меня за шлюху, но моя юбка не настолько короткая.

Я пытаюсь столкнуть его руку с моей ноги, впившись в нее ногтями, но он только сильнее сжимает мое бедро.

Серьезно? Это все, что я получила, когда попыталась немного невинно развлечься? Несправедливо.

Я отталкиваю его руку, собираясь сказать ему, чтобы он отпустил меня, но в этот момент у меня над головой раздается низкий, хрипловатый голос:

– Я буду признателен, если вы уберете свои руки от моей жены.

В одно мгновение отвратительные руки, дотрагивающиеся до меня, отпускают меня, и мужчина сползает со своего стула. Я перевожу взгляд с блудливого типа, который пытается не потерять равновесие, на мужчину, нависшего над моим левым плечом.

Еще один тип в костюме. Но уже не толстяк лет пятидесяти, а Божий дар женщинам. Или подарок лично мне от Санта-Клауса? Потому что, вау! Темно-каштановые волосы идеально обрамляют его лоб, а его скулы могли бы быть вырезаны итальянским скульптором.

В моем затуманенном виски мозгу мелькает мысль, что я где-то его видела. Но его темные глаза впиваются в мои, словно заставляя меня подыграть ему. Я не

знаю, что за игру он затеял, но ради него… я, возможно, буду готова попытаться.

Этот сексуальный мужчина в костюме поднимает руку к моим волосам и заправляет прядь мне за ухо. Его темно-карие глаза неотрывно смотрят на меня.

– Дорогая, я сказал тебе, что ты можешь подцепить мужчину в баре, чтобы заставить меня ревновать, в канун Нового года, а не Рождества.

Блудливый тип делает еще один шаг назад, и память о его прикосновениях исчезает с той же скоростью, что и он сам. Это все равно что наблюдать за играми в дикой природе – бета-самец отступает перед альфа-самцом, а сексуальный мужчина в костюме в этой ситуации явно стопроцентный альфа-самец.

Какие бы феромоны он ни излучал, я начинаю ерзать на бархатном стуле и машинально придвигаюсь к нему. Это в миллион раз лучше, чем мысль о том, чтобы поближе познакомиться с блудливым типом. Я потираю руку в том месте, где он касался меня, и вижу, что на ней уже появилось красное пятно.

Красавчик замечает мое движение. Он жестом собственника кладет руку мне на плечо и говорит блудливому типу низким, угрожающим голосом:

– Если ты не хочешь подбирать свои зубы до следующего Рождества, я предлагаю тебе оплатить свой счет и убраться отсюда, пока я не потерял терпение. И не смей больше дотрагиваться до женщины, которая явно не интересуется тобой.

Но блудливый тип, похоже, все еще не признает авторитет моего «мужа».

– Она пришла сюда с таким видом, словно собиралась снять мужика. Она была очень даже заинтересована. Может, тебе стоит держать эту женщину на поводке, если ты не можешь контролировать ее.

Я открываю рот, чтобы сказать ему, что я решительно не была заинтересована, но мой спаситель заговаривает первым.

– Я предлагаю тебе убраться, пока ты еще в состоянии.

Выражение его лица, должно быть, еще более угрожающее, чем его слова, потому что блудливый тип делает знак бармену, который придвигает ему кожаную папку. Очевидно, он все слышал, потому что на его лице появилась насмешливая улыбка.

«Божий дар» обнимает меня за талию и прижимает к мускулистой груди. Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не замурлыкать и не потереться об него, как кошка.

Что со мной происходит? Я никогда еще так не реагировала на мужчину. Мне следовало бы оттолкнуть его, но я лишь хотела еще крепче прижаться к вожаку стаи, стоявшему у меня за спиной.

Блудливый тип открывает папку и достает свой бумажник.

Мой спаситель на это резко говорит:

– Потрудись оставить хорошие чаевые.

Блудливый тип начинает отсчитывать купюры, а красавчик – водить по моему животу большим пальцем, взад-вперед, как раз под моими грудями. С каждым движением его пальца я все крепче спиной прижимаюсь к нему. Все нервные окончания в моем теле внезапно оживают.

Он заговаривает, и его голос глухо вибрирует у него в груди.

– Две сотни будет достаточно. Это же Рождество, черт возьми. Не продешеви, кретин.

Я прикусываю губу, сдерживая смех, готовый вырваться у меня из груди.

Блудливый тип сует две сотенных бумажки в папку и захлопывает ее, а потом сползает со стула.

Он делает три шага, но красавчик говорит:

– Я надеюсь, черт побери, что, прежде чем уйти, ты не забудешь извиниться перед моей женой за то, что был таким подонком.

Блудливый тип останавливается и замирает.

– Простите, мэм. Приношу мои искренние извинения.

Я сотрясаюсь от беззвучного смеха, и мужчина сильнее прижимает меня к себе.

– Тебя что-то насмешило, любимая?

Я размышляю, не отстраниться ли мне от него, чтобы посмотреть ему в лицо, но он принимает решение за меня и опускает руки. Он выдвигает барный стул рядом с моим, расстегивает пиджак и садится.

Я рассчитываю, что он повернется ко мне и начнет комментировать только что произошедшее, расскажет, почему он, черт возьми, спас меня и притворился моим мужем, но он лишь поднимает два пальца.

– «Бушмиллз 21» для леди.

Бармен кивает и с готовностью достает высокую бутылку с верхней полки.

– Я бы предпочла двойную порцию «Джека», – говорю я.

Бармен замирает и переводит взгляд с меня на мужчину.

Я краем глаза вижу, как он качает головой.

– Она будет пить «Бушмиллз». Мы развиваем ее вкус.

Я бросаю на него взгляд, собираясь возразить, но вид его профиля заставляет меня замолчать. Этот мужчина невероятно красив и элегантен, от темных волос и таких же темных глаз до черного галстука… Мой взгляд опускается ниже, на выпуклость его брюк. Я судорожно глотаю, вспоминая, с какой целью я сижу этим вечером в этом баре.

И тут меня осеняет. Я чувствую себя так, словно грязь из-под колес машины внезапно окатывает мои сапоги. Я знаю, кто этот мужчина, потому что он не

слишком отличается от фотографии на обложке «Форбс», которую я видела в доме у Таны пару месяцев назад. Я все еще помню заголовок: «Карас выигрывает сражение».

Ну, сегодня вечером он явно выиграл сражение. Нервозность, которую я уже некоторое время испытываю, возрастает. План «Холли дарит себе мужчину на Рождество» внезапно снова кажется мне замечательным.

Но как мне это сделать? Я никогда не делала предложений посторонним мужчинам в баре, тем более миллиардерам. Или все уже и так решено и он лишь ждет, что я присоединюсь к его планам на вечер?

– Мы развиваем мой вкус? – с придыханием говорю я.

Его полные губы растягиваются в ленивую и в то же время хищную улыбку.

– В этом отношении, и я надеюсь, еще до того, как закончится ночь, в некоторых других.

О. Мой. Бог.

Надеюсь, я знаю, во что ввязываюсь.

Глава 5

Крейтон

Черт побери.

Это произносят ее блестящие ярко-красные губы, и я не уверен, что она подозревает о том, как соблазнительно выглядит, сидя на этом стуле. Когда она шевелится, хрустальные кристаллы у нее на шее, в ушах и на запястьях сверкают пурпурным блеском в знаменитом свете «Роуз Клаб» – свете, который более привычен к тому, чтобы отражаться от бриллиантов, а не от дешевой

бижутерии.

Она приковала к себе мое внимание сразу же, как вошла в зал, потому что она выглядела в этом баре так неуместно. Но я не мог отвести от нее взгляда, потому что… Черт. Понятия не имею.

У меня было немало красивых женщин, но эта была явно не из тех, к которым я привык. Она вовсе не была из тех утонченных породистых женщин, которые приходили в это место, подыскивая того, кто оплатит их ужин.

Нет. С первого взгляда я понял, что она застенчива и невинна. Она не из тех, кто ожидает подачки, и абсолютное отсутствие мотива за ее действиями кажется мне более привлекательным, чем я мог себе вообразить. То, как она моментально стала подыгрывать мне и не отстранилась от моих прикосновений… Черт, она прижималась ко мне, желая большего. Она была редким созданием, а я из тех мужчин, которые ценят это качество больше всего при выборе женщины.

И потом еще тот факт, что она сидит в этом баре одна в канун Рождества, и кольца на пальце нет. Не знаю, как тот тип не заметил отсутствия этого небольшого аксессуара. Но это говорит мне о том, что этим вечером она совсем одна в городе, так же, как и я.

Скука больше не мучает меня. Эта невинная девушка полностью меня излечила.

Я сразу же принимаю решение. Она моя на сегодняшнюю ночь.

Бармен, которого, судя по бейджу, зовут Эрик, ставит перед нами виски.

– Пожалуйста, дайте мне знать, если вам понадобится что-нибудь еще, мистер Карас.

Я морщусь, когда он произносит мое имя. Я ожидаю, что ее отношение сразу же изменится и жадные коготки вопьются в меня.

Но вместо этого она разглядывает стакан, стоящий перед ней.

– И во сколько мне обойдется эта выпивка? По десять долларов за глоток?

Я с трудом сдерживаю стон при слове «глоток», потому что, черт возьми, я же мужчина, и я уже представляю свой член у нее во рту.

– Ни цента, дорогая. Я не могу позволить женщине пить в одиночестве, и уж ни в коем случае не позволю ей самой платить за выпивку.

Я жду возражений, но вместо этого она подносит стакан к носу и принюхивается.

– Пахнет, как… конфеты?

– Карамель и темный шоколад.

Она прижимается губами к краю стакана и делает глоток. Черт. Ее горло дергается, когда она глотает виски.

Я хочу почувствовать вкус виски на ее губах. Черт, я хочу почувствовать ее всю. Я наклоняюсь, почти невольно, сжигаемый потребностью ощутить вкус моего любимого напитка на ее губах.

Но она замирает, и я тоже.

Ее карие глаза широко распахиваются.

– Черт, классная штука!

Моя грудь сотрясается от смеха.

– Верно.

Ее губы растягиваются в улыбке, и она поднимает стакан и делает еще один глоток, на этот раз чуть больший. И мой член начинает пульсировать, упираясь в молнию брюк. Я хочу видеть ее стоящей на коленях, хочу, чтобы эти большие карие глаза смотрели на меня снизу вверх, когда я возьму ее за подбородок и

введу член между этими соблазнительными красными губками.

– Ну же, еще.

Она приподнимает брови, но послушно соглашается. Или она соглашается с тем, что, по ее мнению, я имею в виду.

Нет, дорогая. Я просто репетирую то, что скажу тебе, когда буду трахать тебя в твой прелестный ротик. Она слишком невинна, чтобы понять это сейчас, но она поймет позже.

Мой член снова дергается, и я понимаю, что если не успокоюсь, начну бормотать односложные слова из-за недостатка кислорода в моем мозгу. Я никогда прежде не реагировал на женщину так быстро и так сильно. Это полностью первобытное и находящееся ниже пояса чувство, но я не собираюсь анализировать его. Я с готовностью подчиняюсь ему.

У меня в голове проносятся разные предложения, которые я мог бы ей сделать, чтобы вытащить ее из этого бара и заманить в свой пентхаус на долгую ночь отвязного, бурного секса, но она опережает меня.

– Вы женаты? Помимо того, что вы понарошку женаты на мне?

У меня нет других объяснений, почему я сыграл роль ревнивого мужа, кроме того, что она пробудила во мне один из основных инстинктов – инстинкт собственника. Если этот инстинкт был бы чуть сильнее, меня вышвырнули бы из этого бара за то, что я сделал бы лужу вокруг нее, помечая свою территорию и бросая вызов мужчинам, возомнившим, что у них достаточно большие яйца, чтобы увести ее у меня из-под носа.

Это совершенно для меня новое чувство. Обычно мой мозг работает по принципу: Горячая. Хочу ее трахнуть.

Вот так просто. И ничего более.

Мужчины – не такие уж сложные создания, дорогие дамы. Вы горячая штучка? Готов поспорить, что все знакомые вам мужчины хотят вас трахнуть. Это

называется человеческой натурой.

Но с этой странной девушкой в ковбойских сапогах все не так просто. Она кажется мне дразнящим дуновением свежего воздуха, окутавшим меня, и потребность заявить на нее мои права становится непреодолимой.

Ее улыбка гаснет, и я заставляю себя вернуться мыслями к разговору, который, предположительно, происходит между нами. Но я уже успел забыть ее вопрос.

– Почему вы хмуритесь, дорогая?

Она замирает на своем стуле.

– Во-первых, не называйте меня дорогой. А во-вторых, если вы женаты, перетаскивайте вашу любящую экзотический виски задницу к другому столику.

Я ухмыляюсь, вспоминая, какой вопрос она мне задала.

– Не женат. А что, вы подыскиваете себе мужа?

Она презрительно морщит маленький носик.

– Нет. Вовсе нет.

Я приподнимаю бровь. Женщины, с которыми я обычно имел дело, приняли бы это за предложение, хотя мои слова предложением не являлись. И они ухватились бы за меня обеими руками.

– У вас проблемы с институтом брака в целом или касательно только вас одной?

Она делает еще глоток, на этот раз очень большой. Покончив с виски, она ставит свой стакан на стойку. И ее карие глаза смотрят прямо мне в лицо.

– Я пришла сюда не для того, чтобы говорить об институте брака. Я пришла, чтобы найти горячего парня, который умеет держать себя в руках, и посмотреть, куда заведет меня эта ночь.

Она берет стакан, словно ей необходимо сделать еще глоток для храбрости, но ее стакан уже пуст. Она снова ставит стакан на стойку и внезапно выпаливает:

– Как вы думаете, вы подойдете на роль такого парня?

Я сильно подозреваю, что без виски она никогда не решилась бы сказать это. Но это замечательно совпадает с моим планом. И я не тот человек, чтобы упустить отличную возможность.

Я подношу стакан к губам и выпиваю его содержимое, после чего ставлю его на фирменную салфетку, лежащую на стойке. И все это время я смотрю ей прямо в глаза.

– Откуда вы?

Обычно я не задаю вопросов, но с ней я хочу знать обо всем.

– А это имеет значение? – спрашивает она, и я не могу понять, она просто притворяется замкнутой или это ее нормальное состояние.

– Мне просто интересно, где выращивают красивых женщин, которые говорят именно то, что мужчина хочет услышать, сидя в баре рядом с ними.

Ее щеки окрашиваются в красный цвет, и я подозреваю, что виной тому вовсе не виски. Невинность исходит от нее почти ощутимыми волнами. Мне хочется выяснить, насколько я смогу заставить ее покраснеть и в других местах. Я хочу видеть отпечаток моей ладони на ее заднице, который будет такого же цвета.

Я встаю и протягиваю ей руку. Она смотрит на нее и, немного поколебавшись, вкладывает в нее свою.

Умница.

Я сжимаю ее пальцы, и она соскальзывает со стула. Даже несмотря на каблуки ее сапог, ее макушка едва доходит мне до подбородка.

– Куда мы пойдем? – спрашивает она.

– Ко мне.

Она широко раскрывает глаза.

– Я… у меня есть номер. В этом отеле. Я хочу сказать, если хотите. Или… или…

Она запинается, и я понимаю, что должен успокоить ее, пока она не сбежала.

Я подношу руку к ее подбородку и начинаю поглаживать большим пальцем ее щеку, такую чертовски сексуально румяную.

– Да. Я очень хочу.

Она судорожно глотает и кивает.

Она моя.

Я не хочу отпускать ее, но я все равно делаю это. Достав из внутреннего кармана пиджака пачку денег, я отсчитываю несколько сотенных купюр. Я не могу дать меньше чаевых, чем тот ублюдок, или я сам буду таким же ублюдком. Я кладу деньги под свой пустой стакан и, немного помедлив, добавляю к ним еще несколько купюр и киваю бармену.

– Да, сэр?

– Мы возьмем с собой неоткрытую бутылку «Бушмиллз».

Я бросаю взгляд на женщину, с которой собираюсь провести оставшуюся ночь – на ней и под ней, сзади и спереди.

Бармен двигается очень быстро, и спустя несколько мгновений одна моя рука держит за горлышко бутылку виски, а другая лежит на ее пояснице.

Наклонившись так, что мои губы находятся лишь в какой-то доле дюйма от ее уха, я говорю:

– Показывайте дорогу, дорогая.

Глава 6

Холли

Я крутая. Я сделала это.

Я могу притвориться, будто я отлично понимаю, что, черт возьми, делаю.

Секс на одну ночь? Не проблема. Сексуальный миллиардер в костюме-тройке, который явно стоит дороже, чем мой автомобиль? Подумаешь!

Этими словами я поддерживаю себя по дороге к лифту. Я чувствую сквозь тоненький топ тепло его руки, которая словно ставит на мне его клеймо.

Я все еще не могу поверить, что я это сказала. Моя бабушка перевернулась бы в гробу, если бы узнала, что я подцепила мужика в баре. Волна горечи захлестывает меня, и я спотыкаюсь.

Он замедляет шаг, поддерживая меня.

– Вы передумали?

В его голосе нет насмешки, он звучит очень серьезно. И в этот момент мое шестое чувство подсказывает мне, что он как раз такой мужчина, который будет способен заставить меня забыть обо всех неприятностях, которые мучают меня.

Я смотрю ему в глаза.

– Нет. Не передумала.

– Хорошо.

От этого короткого слова у меня по телу бегут мурашки. Этот мужчина действует на меня на подсознательном уровне. И я не могу понять почему. То есть с каких это пор миллиардеры в костюмах-тройках стали возбуждать меня? Обычно, не считая нескольких пьяных поклонников, я имела дело лишь с кретинами, от близости которых у меня не бежали мурашки по телу.

Как я могу быть возбуждена, зная отлично, насколько он далек от моей лиги?

У меня в животе начинают порхать бабочки. Я так не нервничала, даже когда впервые вышла на сцену в конкурсе «Мечты Кантри». Может быть, именно так чувствует себя новичок, вступая на поле играющих в высшей лиге.

Я смотрю вниз, туда, где он держит в руке мою руку, и не могу не заметить выпуклость его брюк.

О, Господи! Во что я ввязалась? Он, наверное, имел немало отношений с супермоделями и просто с женщинами, которые ему могли приглянуться. А теперь он подцепил меня. И былая неуверенность снова возвращается ко мне. Я недостаточно хороша для такого мужчины, и я знаю это.

Мы входим в лифт, и мое сердце начинает бешено колотиться в груди. Может ли он слышать этот стук?

Я забываю, что все еще таращу глаза на выпуклость в его брюках, и тут его рука поднимает мое лицо за подбородок.

– Видите что-то, что вам нравится?

Мои щеки обдает жаром, и я смотрю в его глаза, в которых мелькают веселые искорки.

О, мой Бог! Он застал меня за тем, как я пялюсь на его член. Поражение, Холли! Поражение.

– Э-ээ…

– Не беспокойтесь. Я не возражаю.

С этими словами он гладит меня по щеке подушечкой большого пальца. Это прикосновение уже так знакомо мне.

Оно снова вызывает во мне желание просто прислониться к нему, предоставляя ему принимать решения.

Кого я обманываю? Словно я когда-либо принимала эти решения.

– Как вас зовут, дорогая?

Я стискиваю зубы, услышав это. Я ненавижу, когда незнакомые мне люди называют меня «сладенькая» или «дорогая».

Так обращалась ко мне моя бабушка, и из уст других людей это звучало для меня фальшиво и в то же время напоминало мне о моей потере.

– Никаких имен, – быстро говорю я.

Его брови ползут вверх.

– Правда? Вы не хотите знать мое имя?

Это не совсем честно с моей стороны, поскольку я уже знаю его имя, но я все равно отвечаю:

– Нет. Мне не нужно знать ваше имя.

Он некоторое время изучающе смотрит на меня, потом коротко кивает. Как только двери открываются на моем этаже, он хватает меня за руку и тащит за собой из лифта, и я начинаю сознавать, что настал момент, когда все это дерьмо становится реальностью.

Я испытываю одновременно и предвкушение, и испуг, а он рычит:

– Какой номер комнаты?

О, Боже. Что я делаю? Но подожди, все правильно. Я собираюсь провести ночь с миллиардером. Вернись в игру, Холли. Ты можешь сделать это.

– М-мм, 1919.

– Ключ?

Я сую руку в задний карман моей джинсовой юбки, и вытаскиваю его. Взяв его из моих пальцев, он тащит меня по коридору в направлении моего номера.

По крайней мере мне не придется проявлять инициативу, потому что у меня такое чувство, что Крейтон Карас будет таким же требовательным и доминирующим в постели, каким он, по слухам, бывает на советах директоров.

Черт.

Глава 7

Крейтон

Я должен сделать это медленно. С ней я должен не торопиться. Она из тех женщин, которых нужно ценить и близостью с которыми нужно наслаждаться, но я так хочу почувствовать на губах ее невинность, что даже не пытаюсь сдерживаться.

Не успела дверь закрыться за нами, как я подхватываю ее руками за задницу и прижимаю к стене, роняя бутылку на пол. Я впиваюсь губами в ее ярко-красные губы, проталкивая язык ей в рот.

Черт. Такая дьявольски сладкая, именно такая, какой я ее себе и представлял.

Ее тихий стон пронзает меня насквозь. Я вдавливаю ее в стену, и мой член прижимается к ее лону. Она стонет и выгибается навстречу мне. Несмотря на ее невинность, ее инстинкты развиты очень хорошо. Я закидываю ее ногу себе на талию, и она быстро реагирует, подпрыгнув и обхватив меня другой ногой.

Ее юбка задирается до самой талии, а каблуки сапог прижимаются к моей заднице. И когда она впивается ногтями в мои плечи, чтобы удержать равновесие, моя потребность насладиться этой женщиной становится непреодолимой.

Не беспокойся, дорогая. Я тебя не отпущу.

Я зарываюсь рукой в ее волосы и откидываю ее голову назад, чтобы заглянуть ей в глаза.

– Когда я опущу тебя на пол, сними с себя все, кроме сапог и трусиков, и встань на четвереньки в кровати.

Ее темные глаза расширяются, и в них читается явный шок.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Grand Ole Opry – одна из старейших американских радиопередач в формате концерта в прямом эфире с участием звезд кантри, существующая с 1925 года.

2

Американский блогер. Его сайт, Perezhilton.com, известен публикациями новостей, касающихся личной жизни музыкантов, актеров и знаменитостей.

З

Приобретение контрольного пакета акций компании ее конкурентами без предварительного согласования с советом ее директоров и акционерами.

Купить: https://tellnovel.com/ru/march_megan/porochnyy-milliarder

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить